

Краснова Татьяна Владимировна,
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права
и процесса Института государства и права
Тюменского государственного университета
t.v.krasnova@utmn.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНО ПРОЖИВАЮЩИМ РОДИТЕЛЕМ ПРАВА НА ОБЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

УДК 347.634/.637

Аннотация. Статья посвящена особенностям осуществления прав родителей, проживающих отдельно от ребенка, в условиях эпидемии COVID-19. В статье анализируются проблемы, связанные с правоприменительной практикой в этой области, пробелы в существующем семейном праве, а также спорные аспекты теории родительского правоотношения. Целью статьи является совершенствование действующего семейного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: ребенок, родители, порядок общения, споры о детях.

Tatiana V. Krasnova,
Associate Professor, Head of the Department of Civil Law
and Civil Procedure, Tyumen State University
t.v.krasnova@utmn.ru

EXERCISE OF THE RIGHT TO COMMUNICATE WITH THE CHILD BY A SEPARATE PARENT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the implementation of the rights of parents living separately from the child in the context of the COVID-19 epidemic. The article analyzes the problems associated with law enforcement practices in this area, the gaps in existing family law, as well as the disputed aspects of theory concerning parents' legal relations. The purpose of the article is to improve the current family legislation and its application practice.

Keywords: child, parents, order of communication, disputes about children.

Изменившаяся в условиях эпидемии COVID-19 реальность нашла свое отражение в сфере семейных отношений. В актуальных публикациях достаточно ссылок на взаимосвязи обстоятельств, провоцирующих семейные конфликты и порождающих семейно-правовые споры. Наибольшее значение в рамках исследовательской повестки имеют вопросы судебного разбирательства семейных споров в контексте переосмысления наработанных практикой подходов под влиянием обстоятельств эпидемии. Разнятся не только интерпретации указанных обстоятельств, но и отношение правоприменителей к необходимости учета непосредственно факта существования эпидемии при вынесении судебного решения. В рамках настоящей статьи речь пойдет о спорах об общении с ребенком, возникающих между родителями, и затрагивающих интересы наиболее нуждающихся в правовой защите субъектов — несовершеннолетних. Научный анализ с учетом теории родительского правоотношения является попыткой ответить на вопросы, актуализированные судебной практикой в современной действительности.

De lege lata прав и обязанностей родителей по отношению друг к другу не установлено. Все существующие долженствования лиц, являющихся родителями ребенка, обусловлены их супружеским статусом. Этот факт дает нам основания утверждать об отсутствии правоотношения между ними как родителями,

поскольку правоотношение без содержания не существует. В теории имеется противоположное мнение: «Праву отца на воспитание противостоит обязанность матери не препятствовать ему в осуществлении этого права. Праву матери корреспондирует обязанность отца с таким же содержанием» [1, с. 5]. Возникает впечатление о надуманности такого подхода, — обязанность «не препятствовать» является «универсальной» и распространяется не только на родителей, а на всех без исключения лиц, в отношении всех без исключения принадлежащих субъекту прав. Тем самым можно было бы утверждать о наличии относительного правоотношения между любым множеством лиц. Итак, мы полагаем, что отношение между субъектами «родитель–родитель» является организационным семейным отношением. Оно не имеет содержания и не может быть рассмотрено в качестве типичного родительского правоотношения. Субъектами родительского правоотношения могут выступать только родитель и его несовершеннолетний ребенок.

В связи с отсутствием совместного проживания между родителями или его утратой вследствие прекращения брака закон не предусматривает каких-либо изменений в структуре и содержании родительского правоотношения. Тем самым юридический статус отдельно проживающего родителя не отличается от юридического статуса родителя, проживающего совместно с ребенком. Любые виды ограничений родительских прав возможны только в строго предусмотренных законом случаях в рамках особой судебной процедуры в целях защиты прав и законных интересов ребенка.

Никаких новых прав у родителя по причине раздельного проживания также не возникает. Указание в специальных нормах Семейного кодекса Российской Федерации права на общение отдельно проживающего родителя с ребенком или его права на получение информации о ребенке вовсе не означает, что такие правомочия отсутствовали у него ранее. Вопросы организационного взаимодействия между родителями по вопросу общения и участия в воспитании ребенка с учетом факта их раздельного проживания регулируются посредством соглашений либо посредством принятия судебного решения о порядке общения отдельно проживающего родителя с ребенком.

По факту в большинстве случаев в таких родительских отношениях все же происходят заметные трансформации. Потребности ребенка, в том числе материальные, обеспечиваются, как правило, усилиями совместно проживающего родителя. Обязанности отдельно проживающего родителя по содержанию ребенка при этом сводятся к обязанности по уплате алиментов. Организация условий безопасности, психического, интеллектуального и физического развития ребенка в целом зависит от совместно проживающего родителя. В то же время отдельно проживающий родитель в силу объективных причин (режим труда и отдыха, графика обучения ребенка и т.д.) лишен возможностей в желаемое для него, но не установленное соглашением или судебным решением, время встречаться и общаться с ребенком. То есть, фактически, статус отдельно проживающего родителя является как бы «усеченным» и в контексте прав, и в контексте обязанностей. Признать такой вывод на уровне закона представлялось бы довольно смелым решением, вступающим в противоречие с основополагающим принципом семейного права — равенства родительских прав. Однако события последнего времени вынуждают, на наш взгляд, признать определенный приоритет за одним из конкурирующих утверждений: либо родитель, совместно проживающий с ребенком, имеет право ограничивать общение отдельно проживающего родителя в интересах ребенка в связи с объективными обстоятельствами, либо любой запрет на общение с отдельно проживающим родителем в соответствии с установленным в законном порядке графиком общения является препятствием к осуществлению родительских прав последнего.

Анализ судебной практики свидетельствует о тенденции использования ссылки на условия эпидемии COVID-19 в качестве аргумента при решении вопросов о порядке общения с ребенком. Трудно однозначно дифференцировать сопряжено или нет использование данного аргумента с желанием противостоять общению с другим родителем. Вместе с тем, поскольку обстоятельства эпидемии COVID-19 в достаточной степени подлежат объективной оценке, представляется возможной выработка относительно них общепринятой позиции судов при рассмотрении споров о порядке общения с ребенком. Всегда общение ребенка с отдельно проживающим родителем связано с необходимостью периодически покидать место его жительства и находиться в адекватных цели общения с родителем местах. Как правило, общение с отдельно проживающим родителем связано с посещением мест публичного пользования, детских развлекательных центров и т.п. Довольно часто в спорах об общении с ребенком фигурирует требование «совместного отпуска» отдельно проживающего родителя и ребенка, как правило, с конкретизацией его вариантов и периода времени.

Возможно ли удовлетворение этих требований в условиях эпидемии — ведь само по себе передвижение, особенно трансграничное, в период ограничений связано с известными рисками? Допустимо ли принятие положительного решения по данному вопросу в отношении несовершеннолетнего,

лишенного фактической возможности противостоять действиям взрослых, в том числе по причине психической незрелости? Является ли реализация интереса родителя в «совместном отпуске» более значимым фактом, чем указанные выше риски? Может быть, стоит расценивать удовлетворение данного требования как предписание «на перспективу» по принципу «пандемия пройдет, а отношения останутся»? Законным ли будет неисполнение судебного решения о порядке общения в текущий период? По всем этим вопросам необходимы разъяснения высших органов судебной власти.

На наш взгляд, руководствуясь принципом приоритета интереса ребенка, закрепленным в международном и отечественном законодательстве, любые действия, связанные с нарушением безопасности ребенка, а применительно к условиям эпидемии — нарушением условий относительной изоляции, изменением обычного круга контактов — поддерживать не допустимо. Удовлетворение конкретных требований «об отпусках» на данном отрезке времени не целесообразно, поскольку обстоятельствам, подлежащим оценке со стороны суда при решении данного вопроса, еще только предстоит сформироваться и стабилизироваться. Судам, по нашему мнению, следует отказываться в удовлетворении данного требования с разъяснением того факта, что при прекращении неблагоприятных условий данный вопрос может быть поставлен сторонами еще раз в связи с изменением обстоятельств, влияющих на исход дела. Полагаем, что в данном случае действия должны оцениваться по принципу «не навреди», чтобы в стремлении учесть интересы отдельно проживающего родителя и сохранить беспристрастность в отношении совместно проживающего родителя (ведь он, возможно, отказывается в «совместном отпуске» с ребенком не только по соображениям безопасности [3, с. 8]), не принять решений с негативными последствиями для жизни или здоровья ребенка.

В силу ст. 64 СК РФ родитель, проживающий совместно с ребенком, осуществляет защиту интересов ребенка от действий любых лиц и обязан принимать максимальные усилия для предотвращения вреда жизни или здоровью ребенка. Новая цифровая реальность позволяет обеспечивать контакты ребенка с отдельно проживающим родителем настолько эффективно, насколько это готовы обеспечивать участники анализируемых отношений. Идея о том, что цифровое общение не подменяет собой живое общение, справедлива для всех сфер человеческой жизни, но не представляет ценности большей, чем сама человеческая жизнь или здоровье. Когда-то решение о раздельном проживании родителя уже состоялось для конкретной семьи, и это событие предопределило неизбежные трансформации, которые, на наш взгляд, следует учесть в законодательстве, установив приоритет в решении вопросов безопасности ребенка совместно проживающим родителем, осуществляющим фактическую опеку над ребенком. Соответствующие дополнения предлагается внести в ст. 64 СК РФ. В отличие от сказанного, нарушение родителем прав отдельно проживающего родителя на общение с ребенком заключено в таких действиях, как: «... полная изоляция родителя и ребенка из жизни друг друга; их разлучение и отчуждение привязанности; сокрытие места нахождения ребенка не только от другого родителя, но и от органов государственной власти; лишение ребенка места постоянного жительства...» [3, с. 9]. Разъяснение данных обстоятельств Верховным Судом Российской Федерации позволит судам устанавливать, «в каких случаях родители реализуют свои представительские функции, а в каких интерес ребенка является лишь формальным основанием» [2, с. 128], а истинным основанием выступают собственные интересы, «главным объектом которых является определенный порядок общения с ребенком, а не обеспечение его наилучшего благополучия» [3, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Г.В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 34 с.
2. Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 168 с.
3. Дергунова В.А. Соотношение прав родителей и детей и их защита при исполнении решений судов о воспитании детей // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 8-10.